

Удивительная эта книга. Ни на что не похожая.

Все ведь сразу ищут аналоги и подобию.

У каждого произведения искусства есть скрытые смыслы. Как говорил Станиславский, сверхзадача.

Сверхзадача книги Александры Николаенко «Небесный почтальон» – обращение к невидимому и сакральному Небесному Иерусалиму, хоть он не упоминается в детско-эпическом рассказе про мальчика Федю Булкина и его бабушку, но звучат, звучат вслух намеки на мир горний, и сияющий сакрал все равно подразумевается:

«Папа мой, например, очень газеты читать любил за завтраком. Как же я не подумал?! Не доходят, конечно, газеты в Город Небесный! Потому не доходят они, что почтальонов их разносить нет! Наша почтальонка толстая. Еле-еле по лестнице до ящиков почтовых взбирается со своими стопками. Куда уж ей до Града Небесного подниматься.

Почтальоном нужно мне стать, только не как обычные почтари, а космическим! Буду на ракете газеты в Град Небесный возить. Если газеты и в Граде Небесном есть – на землю назад».

По сути, вся книга – диалог: мальчик Федя и старушка, бабушка его, все время разговаривают – то вслух, то даже молча. Сам рассказ идет-движется странно и прекрасно: то это собственно рассказ (от автора, от третьего лица), то голос Феде Булкина явственно прорезается и реплики и размышления идут от «я» – от лица самого мальчика-героя; то звучит вроде бы воспоминание, и такое ощущение, что оно никому из живущих не принадлежит, а автор только считывает и записывает это Безличное, Божие:

«Пустыми обещаниями кормит Бог человека! Завтра да вчера...

Завтра еще нет. Вчера уже было. Одно сегодня остается. Безвылазно!

А ведь ничего хорошего нет в сегодняшнем дне...»

Маленькие главки – как фрагменты из детского дневника. Федино, наивного. Но вдруг наивность больно высверкнет взрослой, трагической мудростью, и страшно становится.

Интонация, взятая автором, взята как нельзя более точно – она неуловимо колеблется между детским солнечным лепетом и безжалостным рентгеном взрослого искушенного взгляда. Правда, трагизм этого взгляда автор искусно прячет за самой history of childhood, которая на самом деле есть даже kind story. Слишком мало в наше жесткое и стремительное время, время скоростей, медленной доброты – доброты детства, доброты старения и старости. А ведь они и есть пища и воздух замotanного, замученного житейской толкотней земного насельника.

Эпизод в книге, где мальчик рассказывает о повесившемся дворнике, показателен. Читая, мы исподволь замечаем, что, оказывается, Федя в своих микроисповедях речь ведет об архетипических материях. Жизнь, смерть, рождение, гибель, отношение к животным (все живое! и все живое должно умереть!), любовь к людям. Вот они, извечные русские, а также общечеловеческие архетипы – через призму восприятия и понимания ребенка: преступление и наказание («...Не бывает, Федя, у Бога без вины виноватых, ни за что не бывает наказанных...»), о совести, о «возмездии справедливом», о «мира создания», и вот опять, снова (это уже лейтмотивом через текст проходит) – «о небесах обетованных».

Небеса есть синоним Бога, а Бог есть синоним жизни, но Он же, как понятно и Феде и бабушке, и смертью владеет, и незримо повелевает справедливостью и наказанием за грехи. Бог – всевидящее око, но странное ощущение! Вследствие невероятной чистоты и честности самих героев, их непредвзятости, их подлинной и пожизненной человечности, они сами – оба, и Федя, и старушка – становятся общим-сдвоенным проводником, дуэтом-синонимом Божественного, такими малыми, незаметными заместителями Бога на земле.

В этом главное чудо книги, балансирующей между детским дневником, взрослой исповедью, зарисовками (эскизами, этюдами) художника с острым глазом. И шаг за шагом, мало-помалу приближающейся к вечности – к той мечтаемой вечности, о которой и во имя которой и написана книга.

Вечность, бессмертие – какие, вроде бы, громкие слова! Мы шарахаемся от их привычного громокипящего пафоса. И в изумлении застываем перед простым раздумьем простого мальчишки об этих высоких материях.

«Размечтался я что-то, рассуждаю, думаю: какой смертью лучше умереть мне? «Все там будем», – сказала тетя с пятого этажа бабушке. Так вот я на этот счет...»

– Ты какой смертью умирать лучше хочешь, бабушка?

– Какой Бог даст, Федя, той и пойду, что ты, на ночь глядя, о таком всполошился?

Что всполошился я?! А как не всполошиться мне? Все у Бога просят, чтобы не умирать, а ни одного еще жить в живых насовсем не оставили. Это я раньше бессмертным быть не хотел. А теперь раздумался. Бессмертным как-нибудь стать мне лучше, пожалуй. »

«Всякая смерть, как рождение», – шепчет Феде бабушка. И в устах старухи, что вот-вот переступит страшный всех, заветный порог, это звучит не банальным намеком на то, что и там, за порогом, что-то есть, и более того, есть жизнь вечная, – а просто эти слова естественны, как вдох, как выдох. Я вдыхаю, но я и выдыхаю. И выдыхает – нами – Бог.

Советское время в книге изображено – а как вечное. БАМы всякие, луноходы, Владимир Высоцкий, да, все эти приметы эпохи маяками просвечивают в нехитром светлом рассказе, в рекой текущем вперед и вдаль дневнике Феде, но они мгновенно превращаются в залоговые неведомого будущего – как винтажные драгоценности в шкатулке ждут своего часа и внимания неведомой будущей модницы.

А вот и момент сопротивления. Ребятчьего восстания. Бунта против неизбежного, ибо дитя – а точнее, человек – а еще точнее, *Любой* человек – не хочет смерти, хочет уйти от нее навек и избежать ее.

«Не хочу, как дворник, в петле, язык высунув.»

Не хочу, чтоб змея ужалила.

Не хочу стареньким умирать, потому что все кости болят и свет не мил. Не хочу...

Ничего не хочу!

– Выбрал я, бабушка...

– Что выбрал, Федя?

– Никакой смертью умирать я не буду!)»

Чередой сменяются зарисовки и раздумья Феди: вот о войне и о Победе, вот о прошлом и будущем (это опять о всесокрушающем времени!), о «никогда» и «навсегда», о подлости и честности, о вещих снах, а вот и о дедушке Ленине школьное сочинение, и...

...и совершенно потрясающий финал.

Финал, где воедино смешиваются, дружно сливаются и в одном пророческом, почти библейском котле варятся времена.

Где бабушка на старой фотографии, рассматривая под лупой фигурки человеческие, шепчет Феде – малышу? или уже взрослому, все знающему о неизбывной печали людской? – «– У дома, Федь, нашего стоишь, за десять лет до войны.... Да не нужно, Федь, лупы мне, это дедушка...»; где в записке о молитвах о здравии и об упокоении перечисляются все, все родные имена, и живых, и усопших, имена рода; и где приписывает мальчик Федя – вечный мальчик, у Бога на ладони, в Граде Небесном, ангельский мальчик – к записке той – от себя, от сердца своего живого: «БОГУ – О НАС».

Круг замкнулся. И круг разорвался.

Эту книгу *о нас* – как некий таинственный помянник – написал настоящий художник.

И хорошо даже, что в одной из главок бессмертного дневника Феди Булкина двое сирот земных, Федя и бабушка, переживают и воочию наблюдают грозную стихию – явление града, что побивает все: людей, машины, растения, крыши домов; и это ведь тоже град небесный.

Град Небесный восстает над облаками, а град небесный побивает землю.

Все правильно. Все справедливо.

Так на одной доске, отломанной от великого древнего Ковчега, в громадном море Потопа-Времени и плывут отныне эти двое, под присмотром Бога своего.